Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17002
EDN: HSFUSG

Пушкинские предания Бориса Шергина

Т. В. Зверева[1]✉, **А. В. Марков**[2]

[1] *Удмуртский государственный университет*
(г. Ижевск, Российская Федерация)

e-mail: tvzver.1968@yandex.ru✉

[2] *Российский государственный гуманитарный университет*
(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: markovius@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена пушкинским изысканиям Бориса Шергина, которые рассмотрены не как частный случай рецепции творчества Пушкина, а как целостная мировоззренческая и эстетическая программа. Материалом исследования стали сказы «Пинежский Пушкин» и «Пушкин Архангелогородский», дневниковая проза, письма и литературно-критические заметки писателя. В научный оборот введено понятие «текстов-двойчаток», позволяющее описать зеркальную соотнесенность двух центральных сказов на сюжетном, образном и аксиологическом уровнях. Опираясь на пушкинские повествовательные модели «народной молвы» и «родового предания», Шергин последовательно создавал собственный образ Пушкина, намеренно совмещая в нем черты поэта-демиурга, героя-змееборца и носителя сакрального слова. Ядром проекта Шергина становится не языковая стилизация, а воскрешение Пушкина в живом предании, где устное исполнение осмысляется как литургический акт, преодолевающий время. Показано, что такая интерпретация пушкинского наследия скрыто полемична и подчеркивает исконную «русскость» Пушкина. Перенос пушкинского мифа на периферию (в «плоть мира» северной народной культуры) послужил формой его сохранения от идеологической профанации и утверждения в качестве одной из главных святынь России. Отдельное внимание уделено различию двух сказов: модусу бессмертия поэта (вечное течение жизни/окончательность смерти) и стихийной принадлежности героя (земля/море).

Ключевые слова: Борис Шергин, пушкинский миф, культурный герой, северный текст, рецепция, тексты-двойчатки, предание, традиция, советский канон, молва, духовный стих

Для цитирования: Зверева Т. В., Марков А. В. Пушкинские предания Бориса Шергина // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 307–327. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17002. EDN: HSFUSG

© Т. В. Зверева, А. В. Марков, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17002
EDN: HSFUSG

Boris Shergin's Pushkin Tales

Tatyana V. Zvereva[1]✉, **Alexander V. Markov**[2]

[1] *Udmurt State University*
(Izhevsk, Russian Federation)

e-mail: tvzver.1968@yandex.ru✉

[2] *Russian State University for the Humanities*
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: markovius@gmail.com

Abstract. The article examines Boris Shergin's Pushkin research, interpreting it not as a particular case of the reception of Pushkin's work but as an integral worldview and aesthetic program. The study draws on Shergin's tales "The Pinega Pushkin" ("Pinezhskiy Pushkin") and "The Arkhangelsk Pushkin" ("Pushkin Arkhangelogorodskiy"), as well as his diary prose, letters, and literary-critical essays. The authors introduce into scholarly circulation the concept of "twin texts" ("teksty-dvoychatki"), which makes it possible to describe the mirror correlation of the two central tales at the plot, imagery, and axiological levels. Drawing on Pushkin's narrative models of "folk rumor" and "ancestral tradition," Shergin consistently constructed his own image of Pushkin, deliberately combining in him the features of a poet-demiurge, a serpent-fighter (dragon-slayer), and a bearer of the sacred word. The study reveals that the core of Shergin's enterprise lies not in linguistic stylization but in the resurrection of Pushkin within a living tradition, where oral performance is conceptualized as a kind of liturgical act that overcomes time. Such an interpretation of Pushkin's legacy is shown to be implicitly polemical and to emphasize Pushkin's primordial "Russianness." The transfer of the Pushkin myth to the periphery — into the "flesh of the world" of Northern folk culture — served as a form of preserving it from ideological profanation and of affirming it as one of Russia's main sanctities. Particular attention is paid to the difference between the two tales: the mode of the poet's immortality (eternal flow of life vs. the finality of death) and the elemental belonging of the hero (land vs. sea).

Keywords: Boris Shergin, Pushkin myth, cultural hero, Northern text, reception, twin texts, teksty-dvoychatki, legend, tradition, Soviet canon, folk rumor, spiritual verse

For citation: Zvereva T. V., Markov A. V. Boris Shergin's Pushkin Tales. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 307–327. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17002. EDN: HSFUSG (In Russ.)

Функционирование пушкинского мифа в русской культуре обусловлено прежде всего идеологическими установками — различные исторические времена адаптируют творчество Пушкина, всякий раз вырабатывая новые условия его легитимности. В творчестве Бориса Шергина можно увидеть не только привычную рецепцию пушкинских текстов, но и литературный проект, который должен был обеспечить продуктивное функционирование пушкинского мифа в культуре Русского Севера.

Отечественная филология в последние годы открывает для себя Шергина заново, о чем свидетельствуют исследования, обращенные к самым разным аспектам художественного мира писателя (см.: [Кекова, Измайлов, 2014, 2019], [Клементьевская], [Петров], [Пукита], [Степачев], [Федорова], [Скепнер] и пр.). Одновременно переизданы шергинские дневники, очерки, письма, хотя академический комментарий к ним остается делом будущего. Немало для изучения творческого наследия писателя сделали Е. Ш. Галимова [Галимова] и Ю. М. Шульман [Шульман].

Одним из первых исследователей, поставивших вопрос о принципах функционирования пушкинского мифа в народной среде и упомянувший в этой связи имя Бориса Шергина, был В. С. Непомнящий: «Люди могли не знать "Евгения Онегина" и "Бориса Годунова", но имя Пушкина было им известно и дорого». Шергин «жил одно время среди неграмотных поморов и целую зиму 1934–1935 годов читал и объяснял им произведения Пушкина, а после собирал и записывал их впечатления. Получился потрясающий сказ "Пинежский Пушкин", перед которым хочется просто умолкнуть с благоговением. Эти необразованные люди сразу почувствовали сердцем, что Пушкин — это родное, свое. И, кстати, в этом сказе Пушкин снова предстает в образе народного героя, который наряду с прочими подвигами еще и со Змеем Горынычем борется» [Непомнящий]. Высказывание Непомнящего не совсем точно по отношению к глубоко книжной и профессиональной по своим истокам культуре поморов, но именно этот исследователь отметил связь между народным образом Пушкина и фольклорным героем. Обратим также внимание

на работы Г. В. Пранцевой, в частности, на статью «Фольклорная биография А. С. Пушкина в сказах Б. В. Шергина» [Пранцева], где реконструируется соотношение между фольклорными и литературными принципами построения биографии.

Задача нашего исследования — выявить, как создание пушкинского мифа обновило шергинскую стратегию взаимодействия с фольклорными и литературными традициями. Объектом изучения являются сказы «Пушкин Архангелогородский» и «Пинежский Пушкин», письма, дневники, публицистические заметки писателя. Новизна исследования состоит в контекстуализации пушкинистики Бориса Шергина внутри проводимой им работы с фольклором, духовным преданием и рецепцией слушателей/читателей. Методологической рамкой исследования послужила концепция функционирования культурного мифа, при которой устное слово осмысляется не столько как источник реконструкции реальных событий, сколько как форма ритуального воспроизведения сакрального образа. Подобный подход позволяет рассмотреть сказы Шергина не как запись или одномерную литературную обработку фольклора, а как выстроенный акт литературной деятельности, где сама форма сказа является авторской стратегией воскрешения пушкинского слова, утверждающего присутствие Пушкина в народной культуре как глубинного факта ее продуктивных трансформаций, возвращения к собственным истокам.

На страницах дневников и писем Бориса Шергина встречаются упоминания русских поэтов и писателей (Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Н. А. Некрасов, С. Есенин, Ф. М. Достоевский и др.), но имя Пушкина — едва ли не единственное, к которому автор обращается постоянно. Его размышления часто носят конспективный характер:

> «Пушкин, Тютчев, Лермонтов, В. Соловьев… их поэзия касается часто горнего мира. <…> В их поэзии легко соглядаем нетленное, небесное. То небесное, что заставляет всякую житейскую отвергнуть печаль» [Шергин: 324].

Имя Пушкина, как правило, упоминается в возвышенном контексте, однако в шергинских письмах можно встретить примеры, где пушкинские строки внедрены в сугубо бытовые суждения:

«"Духовной жаждою томим", пытался я выгрызать книги у Н. А. Чулковой. Но она издает в ответ плач и скрежет зубом…» [Шергин: 438].

Встречающаяся у Шергина неточная цитация пушкинских текстов, ошибки, приписывание пушкинских строк иным авторам (например, Лермонтову) — свидетельство устного усвоения творчества поэта. Пушкинские цитаты органично вплетены в повествование Шергина. Вот, например, описание осени из дневника 1943 г.:

«Это золото осени так наряжает листву. Самая сейчас пора: "в багрец и золото одетые леса". С полдня хляби небесные разверзлись, дождь пал до ночи. А в ночь ударила буря, аж оконца тряслись. <…> выло и свистело до рассвета "А нынче, посмотри в окно: под голубыми небесами, великолепными холмами блестя на солнце" лежит золотой лист. <…> Нет у Бога скуки ни в какую пору. Поэт понимал: "унылая пора очей очарованье". Но и унылости нет; самая "печаль" осени величава, исполнена многосодержательности…»[1].

Писатель много размышляет о соотношении светской и религиозной словесности, в связи с чем обращается к известной полемике Пушкина и митрополита Филарета:

«Бог открыт в творении Его, в природе, "в мире поэта". Филарет это "видит сердцем" и учит, что здесь одно из величайших назначений жизни.

"Познавать Его в твореньи,
Видеть сердцем, духом чтить…
Вот в чём жизни назначенье,
Вот что значит: в Боге жить".

(Три четверостишия — экспромт м<итрополита> Филарета, на стихи Пушкина: —

"Дар мгновенный, дар случайный;
Жизнь, зачем ты нам дана…").

[1] Шергин Б. В. Праведное солнце. Дневники разных лет. СПб.: Библиополис, 2009. С. 112. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Шергин, 2009* и указанием страницы в круглых скобках.

Надо сказать, что немногочисленные стихи м. Филарета слабее его удивительной прозы, и он считал стихи свои шуткой. Впрочем, переведенные м. Филаретом отрывки гексаметров св. Григория Нисского, V век, изобличают в поэте-переводчике вкус изысканный. И о сем до зде.

…Поэзия светская может быть в каких-то планах молитвой. Но молитва уставная, чиновная, песнь церковная нередко даёт нам ключ к таинствам, скажем, красот природы» (*Шергин, 2009*: 207).

Приведенный фрагмент — еще одно свидетельство того, что Шергин цитировал, не сверяясь с первоисточником, вследствие чего в его памяти причудливым образом переплетались имена и тексты.

Знаменательно, что Шергин ставил в вину пушкинской эпохе то, что она обошла религиозную стезю:

«Обида на поэтов пушкинской поры, в частности, на Боратынского, что де не замечали старца Серафима Саровского, (Филарета митрополита Московского)» [Шергин: 324].

Нельзя не вспомнить знаменитое предположение Н. Бердяева о «встрече»/«не-встрече» Пушкина и Серафима Саровского:

«В начале XIX века жил величайший русский гений — Пушкин и величайший русский святой — Серафим Саровский. Пушкин и св. Серафим жили в разных мирах, не знали друг друга, никогда ни в чем не соприкасались. Равно достойное величие святости и величие гениальности — несопоставимы, несоизмеримы, точно принадлежат к разным бытиям. Русская душа одинаково может гордиться и гением Пушкина, и святостью Серафима. И одинаково обеднела бы она и от того, что у нее отняли бы Пушкина, и от того, что отняли бы Серафима» [Бердяев: 391].

Бердяев чутко заострил болезненную для русской культуры проблему соотношения гениальности и святости, определив их как полюса, меж которых только и возможно существование государства Российского.

Вместе с тем в Пушкине Шергин видел исток молитвенной поэзии, и именно этот — религиозный — пласт стихотворений русского поэта он описывал как живительный для всех читателей. Приведем еще одно рассуждение из дневников, подражающее

в чем-то барочной церковной риторике с ее медикалистской топикой:

> «…Пушкин, человек светский, воспитания светскаго, человек молодой, своим разумом нащупал корни древа жизни, ветви и листья которого зачахли, перестали видеться в образованном обществе, но корни, по существу бессмертные, живы и действенны были в народной вере. <…> Он знал, где аптека помогающая, единственно пользующая в осложнённых и многотрудных отношениях людей меж собою. Пушкин в чудных стихах изложил молитву, во все времена "священник повторяет во дни печальные великого поста". Это: "Господи, Владыко жизни моей…". — Мало ли каким настроениям мог поддаваться поэт… — Нет. Это не было минутным настроением. В сложном мироощущении Пушкина чувство религиозное было как подземный, сокрытый, но живой ключ… Так вот, в помянутой молитве Ефрема Сирина есть слова: "Ей, Господи, Царю, даждь ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего…"» (*Шергин, 2009*: 267).

Пушкинская поэзия также связана с очень важным для Шергина «слезным даром», входящим в канон аскетических добродетелей со времен старцев Фиваиды:

> «Ради скорбей душа спеется. Верно тебе говорит поэт-писатель: горе — добрый пахарь. Если вспахана твоя душа горестью и преогорчением, вырастет добрая пшеница. Сеющий слезами радостью пожнет. <…> …например, великая душа — Пушкин — ничем не схож был со слабонервной дамой, и тем не менее, у него был "дар слез". Он пишет Филарету Дроздову: "Когда твой голос величавый меня внезапно поражал… Я лил потоки слез нежданных…". И в другом месте: "Над вымыслом слезами обольюсь"» (*Шергин, 2009*: 602–603).

Помимо многочисленных упоминаний имени Пушкина в дневниках и письмах, перу Бориса Шергина принадлежит небольшая заметка «Сказки Пушкина» (1937), которую можно считать эстетическим манифестом по следующим причинам:

1. Пушкинское творчество представлено как образец адаптации европейской культуры и фольклора на русской почве: «Пушкин так проникся духом русской поэзии, так напитался разумом народного творчества, что обработанные, "обыгранные"

им отдельные мотивы иноземного фольклора кажутся исконными русскими сказками» [Шергин: 35].

2. Обращаясь к «Сказке о царе Салтане», Шергин усматривает в ней музыкальную стихию — «перебор гусельных струн, хороводный пляс, игрищный напев» [Шергин: 35]. Верно найденный ритм, уходящий в народную культуру, позволяет поэту развернуть «полные воздуха, света и звуков картины» [Шергин: 36]. В «Сказке о рыбаке и рыбке» Шергин различает иное звучание: «…музыка стишных строк иная, эпически неторопливая, обстоятельно спокойная. <…> …суету старухиных превращений покрывает неизменно величественная мелодия мира…» [Шергин: 36].

3. Музыкальные ассоциации сопровождаются ассоциациями живописными — Шергин тонко чувствует архитектонику пушкинских текстов: «…если в "Царе Салтане" действие "спешит медленно", как повторяющийся ритм новгородской фрески, то в "Мертвой царевне и семи богатырях" клубочек сказа бежит все вперед, все вперед, не оборачиваясь, не останавливаясь» [Шергин: 37].

4. «Медвежья угловатость, избная неуклюжесть, корявая поступь» [Шергин: 37], характерные для «Сказки о попе и работнике его Балде», по мысли Шергина, маркируют способность пушкинского стиля быть близким народному языку. Равным образом нарочито шаржированные поэтом народные «словечки» в «Сказке о золотом петушке» («ан», «инда», «подь поближе», «плюнул царь; — так лих же нет» и т. д.) оказываются знаками той же принадлежности литературного языка к образному народному слову (см.: [Шергин: 37]).

Таким образом, Шергин использует ряд имплицитных аналитических инструментов (фольклористический, искусствоведческий, лингвостилистический анализ) для доказательства того, что стиль Пушкина не просто имитирует народную речь, но способен стать народной речью. А значит, и сам Пушкин — не только наш современник в узком смысле, но и современник народа (во всем его, народа, существовании), что имеет и полемический смысл. «Сказки Пушкина» приурочены к 100-летию гибели Пушкина — событию, отмеченному советским официозом. Именно во второй половине 1930-х гг.

осуществлена трансформация «пушкинского мифа» — первый русский поэт надолго будет превращен в «певца свободы», понимаемой в узко идеологическом ключе. Как точно отмечает О. С. Муравьева, «пушкинский миф образца 1937 г. сводится, в сущности, к двум идеям: "Творчество Пушкина — лучшее, что создала литература под гнетом помещичьего общества" и "Пушкин — участник нашей жизни, нашей культурной стройки". Идеи, кажется, небогатые, но эксплуатировались они с таким невиданным усердием, что новый миф быстро завоевал все сферы культурной жизни общества» [Муравьева: 128]. В этой связи значимо, что Шергин усматривал в творчестве Пушкине не «советскость», а его исконную «русскость», что шло вразрез с новым каноном, официально предъявленным в газете «Правда»:

> «Пушкин целиком наш, советский, ибо советская власть унаследовала все, что есть лучшего в нашем народе <…>. В конечном счете творчество Пушкина слилось с Октябрьской социалистической революцией, как река вливается в океан»[2].

В то время как советский Пушкин смотрел вперед, шергинский — был обращен к истокам русской культуры. Сам писатель также следовал путям, проторенным великим русским поэтом, — в большинстве его творений задействован «избяной» язык, возвращающий читателя к языку Древней Руси.

В 1947 г. в сборнике «Поморщина-корабельщина» был опубликован сказ «Пушкин Архангелогородский». Десятилетие спустя в 1959 г. в составе сборника «Океан — море русское» выходит «Пинежский Пушкин». Уникальность этих двух текстов в составе пушкинского мифа не нуждается в обосновании, сказы уже дано стали объектом филологической рефлексии. Следует особо выделить работу А. А. Анненковой, в которой был поставлен вопрос о функционировании образа Пушкина в народном сознании: «В народных сказаниях и легендах о Пушкине отчетливо проявляется, с одной стороны, влияние профанического (прагматичного, светского, "образованного", "учительского") взгляда на деятельность писателя; с другой

[2] Слава русского народа // Правда. 1937. № 40 (7006). 10 февраля. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: http:// electro.nekrasovka.ru/books/6147613/pages/1?ysclid=mw4w2b7421554392237 (20.07.2026).

стороны — отношение носителей мифологического сознания к слову, словотворчеству, к поэту как лицу, подчинившему себе "божественную" стихию» [Анненкова: 77]. Исследовательница отмечает, что «в толще народной культуры "информация" о Пушкине приспосабливалась к системе привычных мировоззренческих представлений и приобретала черты, присущие мифологическому сознанию», и выделяет три модели, в соответствии с которыми выстраивается образ Пушкина в народном сознании: «Пушкин — героическая личность, преобразователь, реформатор, Пушкин — святой, юродивый и Пушкин — демонологический персонаж, антихрист. Попадая в эти освоенные народным сознанием культурные системы, соотносимые с исторической, христианской и языческой мифологией, образ Пушкина порождает разнообразные сюжеты» [Анненкова: 78–79]. Знаменательно, что в статье Анненковой есть обращение к Шергину, но без рассмотрения художественной природы «Пинежского Пушкина» (шергинский сказ вписан в один ряд с многочисленными устными свидетельствами, привлекаемыми в качестве документального материала).

«Пинежский Пушкин» и «Пушкин Архангелогородский» — неразрывно связанные между собой тексты, которые имеет смысл рассматривать как зеркальные «тексты-двойчатки». Под этим термином мы понимаем парные произведения одного автора, обладающие общим мифологическим ядром, но реализующие его в противоположных семантических и аксиологических плоскостях, что ведет к структурному удвоению центрального образа и его помещению в разные культурные коды (сухопутный/морской, профанный/сакральный).

Прежде всего, восходящий к изустным преданиям шергинский сказ наследует принципы пушкинского повествования, ориентированного на «молву» («Повести покойного Ивана Петровича Белкина»). Оспаривая условия достоверности, Пушкин не только играл с читателем, но и выявлял саму невозможность достоверного рассказа о мире. Как известно, многофокусность повествования в белкинском цикле обеспечена системой рассказчиков, и все пять историй уходят в *молву*. Событие в пушкинском мире разворачивалось в *зазоре* между реферативным и коммуникативным планами. Эти же принципы лежат в основании последней пушкинской повести «Капитанская дочка», где на первое место выдвигалась

не «народная молва», а «родовое предание» (хор голосов сменялся личным повествованием). В одной из своих записей Шергин признался, что «любил больше устный пересказ, то есть предание, а не писание»[3] (характерно, что в первой изданной книге «У Архангельского города, у корабельного пристанища» (1924) воспроизведены устные рассказы матери Анны Ивановны Шергиной). Если для Пушкина поиск повествовательных моделей был частью литературного эксперимента, то, как отмечают С. В. Кекова и Р. Р. Измайлов, шергинские тексты меньше всего рассчитаны «на литературный эффект. Конечно, не без оглядки на потенциального читателя делал записи Шергин, но "оглядка" лежит для него не в пространстве литературных приёмов, стилей и стилизаций, а в сфере смыслов» [Кекова, Измайлов, 2014: 99].

Шергин осуществляет реконструкцию ключевых пушкинских нарративных моделей, таких как *народная молва* и *родовое предание*, обозначившихся в «Повестях Белкина» и «Капитанской дочке»: «Пинежский Пушкин» — народная молва, причем истоком этой истории становятся рассказы самого автора, пущенные им когда-то в народ[4]; «Пушкин Архангелогородский» — родовое предание, записанное автором со слов Марии Гейнрикс (у Шергина — Генрихсен)[5]. Вопреки актуа-

[3] Шергин Б. В. Запечатленная слава: поморские были и сказания. М.: Сов. писатель, 1983. С. 17.

[4] В небольшом предисловии к сказу Шергин воспроизвел историю его появления: «*В зиму 1934/35 года, когда начиналась подготовка к пушкинскому юбилею, я читал и рассказывал о Пушкине в квартире пинежанки С. И. Черной. Я на опыте знал, что как сама С. И. Черная — неграмотная, но обладающая поэтическим даром, так и земляки — гости ее, в особенности даровитейшая А. В. Щеголева (сумская поморка), не замедлят отразить слышанное в ярких пересказах. Эти пересказы, впечатления, отображения слышанного, своеобразно понятого, реплики, афоризмы, отрывочные, но эмоционально насыщенные и поэтически-образные, послужили материалом для компоновки "пинежского" рассказа о Пушкине*» (Шергин Б. В. Отцово знанье. Поморские были и сказания / сост., предисл. и примеч. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. С 417. (Сер.: Русская этнография.)). Здесь и далее «Пинежский Пушкин» и «Пушкин Архангелогородский» цитируются по данному изданию. Ссылки на него приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Шергин, 2014* и указанием страницы в круглых скобках.

[5] «Пушкин Архангелогородский» записан со слов Марии Гейнрикс, помнящей рассказы своего «папеньки» Эдуарда Гейнрикса: «Марья Эдуардовна, вхожая во все дома, редкий день не бывала у моей тетки,

лизации диалекта как полновесного устного слова в «Пинежском Пушкине» и «Пушкине Архангелогородском», для Шергина важнее не языковой срез, а тот новый *образ поэта*, который зарождался в народном сознании. Главная цель шергинского проекта связана с *воскрешением* Пушкина в живом предании.

В народной молве великий русский поэт наделялся функцией Творца, демиурга:

> «Теперешны писатели от Пушкина взялись да пошли»; «Не бывало от сотворенья, чтобы таки многолюдны книги в такой короткий век кто сложил»; «Сел выше всех, думу сдумал крепче всех»; «Землю он посетил да напоил» (*Шергин, 2014*: 418, 419, 425).

Как былинный герой, Пушкин бросает вызов хаосу и борется с ящером-Дантесом: к Наташе, чьи «волосы как ящерицы», приезжает Дантест, «долгой, как ящерица» (*Шергин, 2014*: 420–421). Рудименты «змеиного сюжета» здесь очевидны, и в этом мифологическом аспекте Пушкин предстает как герой-змееборец. Одновременно образ Пушкина спроецирован на христианский паттерн Страстей Христовых — появляется мотив чаши: поэт «выкушал смертную чашу»; «Я неволей пил горьку смертную чашу…» (*Шергин, 2014*: 424); смерть поэта описана в эсхатологической тональности — отсюда появление кровавой реки, восходящей к Откровению Иоанна Богослова:

> «Кровь-то рекой протекла кругом града. Не могли семь ден из реки воду пить» (*Шергин, 2014*: 424).

Образ поэта сакрализован в народном сознании — пуля Дантеса убивает ангела:

такой же старинной архангельской кофейницы. Здесь нам, младшему поколению, рассказывала Марья Эдуардовна о своем "папеньке", который, бывало, "каждое слово Пушкиным закроет"» (*Шергин, 2014*: 433). Следует отметить, что «Пушкин Архангелогородский» является парным текстом по отношению к записи «Пушкин и Архангельск», сделанной Б. Зубакиным — поэтом и скульптором, оставившим свои воспоминания о пушкинских рассказах Анны Гейнрикс. Заметка «Пушкин и Архангельск» была впервые опубликована в «Звезде Севера» в 1934 г. (Зубакин Б. М. Пушкин и Архангельск // Звезда Севера. Архангельск: Севкрайгиз, 1934. Вып. 11. С. 68–70).

«Ударила Пушкину пуля под сердце, прошла меж крыл» (*Шергин, 2014*: 423).

Место пушкинской гибели связано с образом лиминального пространства:

«Где в Пушкина стреляли — теперь там пусто место безугодно; ничего не ростет, только ветер свистит» (*Шергин, 2014*: 425).

Вместе с тем пинежский Пушкин не только герой, но и человек, равный всем обыкновенным людям:

«Ужо кто у нас на Пинеге экой есть… Якуня Туголуков. Только Пушкин-то порусее» (*Шергин, 2014*: 418).

Таким образом, *народная молва* синтезирует все уровни «пушкинского мифа». Мы имеем дело с уникальным случаем функционирования абсолютного авторского мифа в культуре Русского Севера, что косвенно подтверждается музыкальным примером удачной художественной рецепции.

В отличие от «Пинежского Пушкина» в «Пушкине Архангелогородском» образ поэта хотя и мифологизирован, но оказывается ближе к светскому прочтению. Вслед за «папенькой» М. Генрихсен присваивает Пушкину звание первого поэта:

«И папенька всегда повторял: пущай сойдутся в сонм все поэты, но Пушкина тут первое место будет»; «Многие писали стихи, но против пушкинских — нет никакого сравнения. Настолько он превосходил всех во всех случаях»; «Будущие после нас люди можут умнее быть, науки выше теперешнего состояния можут вознестись, но в поэтах выше Пушкина не будет» (*Шергин, 2014*: 425, 431).

Характерная особенность данного сказа — появление конкретно-исторического времени, в рамках которого и происходит осмысление пушкинской судьбы. Вместе с тем и здесь имеется тенденция к сакрализации. Само название сказа с выбором определения «архангелогородский» (вопреки более устойчивому употреблению «архангельский») указывает не только на архаизацию языка, но и на христианский контекст — Шергин уподобляет поэта архангелу-хранителю.

Оба предания поразительно схожи в интерпретации перипетий пушкинской жизни. Два события прямо связываются

с гибелью поэта: женитьба и противостояние царю. Если в «Архангелогородском Пушкине» эти события разворачиваются в Петербурге:

> «Вот на этаком балу, у государя императора во дворце, не где-нибудь в кузнечевском… "Новом Свете"…» (*Шергин, 2014*: 430),

то пинежская молва многое переиначивает, уподобляет жизнь поэта привычным крестьянским реалиям:

> «Пушкина матка ли, сестра ли обиходила коров-та. Наталья-то не радела по хозяйству. Живут задью наперед» (*Шергин, 2014*: 421).

Неприязнь к императору Николаю I исторически объяснима, поскольку с его правлением связаны репрессии по искоренению северного старообрядчества. В «Пинежском Пушкине» неслучайно упоминается Выговская пустынь (Выгорецкая обитель), административно ликвидированная в 1855 г.:

> «Этот Перьвой Николай терпеть не может людей, которы звыше его учены. Выговску пустыню, эко место знаменито, он сожгал» (*Шергин, 2014*: 423).

Вопреки действительным событиям молва упорно приписывала поджог властям. Вследствие этих исторических причин противостояние Пушкина императорскому двору получало дополнительные смысловые коннотации[6].

[6] Актуализация противостояния Пушкина и царя была необходимой частью советского пушкинского мифа, и Шергин был вынужден следовать этому сюжету: «Как известно, Пушкин сочувствовал декабристам, письменно хулил времена, наскакивал на правительство прискорбными стихами. Власти принялись изыскивать способ, как бы его погубить» (*Шергин, 2014*: 429). В обоих сказах ощутима ирония по отношению к бывшим властям: «Царь-то хоть бравой, как сунут кол, как палка прям, а плоть-та обленилась — дак все нова надо. Царь, а вот что проделывал!» (*Шергин, 2014*: 422). Публикация книг была сопряжена для Шергина с идеологическими компромиссами (быть может, и с искренним желанием писателя принять новую реальность). Известно, что писатель «запросто перелицовывал народный духовный стих под имена Ленина и Сталина — но это была вынужденная плата: фольклорная книга в 1930-е не могла выйти в свет без народного творчества о вождях» [Шергин: 473]. Показательно упоминание имени Ленина в «Пинежском Пушкине»: «Ленин Пушкина книги целовал и к сердцу прижимал» (*Шергин, 2014*: 418). Думается, что развернутое описание сюжета противостояния отчасти обусловлено еще и этими внелитературными факторами.

Существенное отличие между двумя сказами можно увидеть в интерпретации пушкинской гибели. Для пинежских сказителей Пушкин уподоблен вечной реке, которой нет конца:

> «Егово письмо как вешна вода. Его стихам нет конца. Сотворена река, она все течет — как Пушкин» (*Шергин, 2014*: 425).

В «Пушкине Архангелогородском» звучит мысль о времени:

> «Считает кукушку, кукуючи. Улыбнется: — Я не буду с вами доживать веку, слышу плеск весла Харонова» (*Шергин, 2014*: 427)

и мысль об окончательности смерти:

> «…Приходит весна, зеленеют поля, древеса одеваются новым листвием, а кого нет — того не воротит и весна» (*Шергин, 2014*: 431).

Имеется еще одно основание, относительно которого «Пинежский Пушкин» и «Пушкин Архангелогородский» выступают как зеркальные тексты: в первом сказе Пушкин предстает как герой суши, во втором — как герой моря (герой-кормщик — важнейший образ в прозе Шергина, для которого именно море уподоблено стихии русской души как таковой). В «Пинежском Пушкине» поэт органично вписан в ландшафт и ритм крестьянской жизни: его бытие метафорически уподоблено «вешной воде» — неудержимой, обновляющей силе, питающей землю. Он герой суши, чья драма (женитьба на нерадивой хозяйке, конфликт с «пахарем»-царем) прочитывается сквозь призму повседневного крестьянского уклада. Это образ поэта-пахаря, вспахивающего ниву русского слова, чья кровь, впитанная землей, делает ее «безугодной» и пустой — местом, выключенным из плодородия. Напротив, в «Архангелогородском Пушкине» актуализирован иной, поморский код. Здесь Пушкин — кормщик, ведущий свой корабль по житейскому морю, и это прямо соотносится с шергинским идеалом «водительной» силы. Его жизнь осмысляется через инициатическое плавание, а смерть — через метафору отплытия, о чем свидетельствует прямая цитата героини, услышавшей «плеск весла Харонова» (*Шергин, 2014*: 427). Море в сказах Шергина —

не просто фон, а «твердый фундамент» русской души, стихия, которая, в отличие от плодоносящей, но ограниченной земли, напрямую соприкасается с вечностью. Поэтому если «сухопутный» Пушкин Пинеги растворяется в круговороте природной жизни, уподобляясь вечно текущей реке, то Пушкин-кормщик из архангельского предания совершает прямой переход в инобытие. Тем самым, используя мореходную терминологию, Шергин визуализирует пушкинский путь как главный «ход» русской культуры, соединяющий временное и вечное. В «Слове устном и слове письменном» имеется прямое соотнесение образа Пушкина с образом кормчего:

> «Когда Пушкин принял в руки руль — правило корабельное, литература русская пошла по курсу державному, славному. В паруса дунули русские ветры» [Шергин: 52].

В статье «Культурный герой Нового времени», обращенной к Пушкину, М. Н. Виролайнен отметила, что миф «воплощается в *материи* и *действии*. Это происходит благодаря исконному единству мифа и ритуала — ритуал же есть действие, всегда охватывающее материальное бытие, разворачивающееся не только в сознании или в слове — но и в самой плоти мира» [Виролайнен: 114]. Уникальность шергинского пушкинского проекта заключается в том, что в отличие от предшествующей традиции, связанной прежде всего со словесными ритуалами, Шергин внедряет имя Пушкина в «плоть мира». Наряду с северной храмовой архитектурой, в которой концентрировалась «русская идея», образ Пушкина — такое же необходимое условие существования России.

Перенос культурного мифа на периферию был необходим в условиях идеологизации пушкинского наследия в советскую эпоху. Шергинский проект был призван спасти и сохранить одну из главных святынь России. При этом Шергину необходимо «живое слово», восходящее к исполнению духовных стихов. Неслучайно и в «Пинежском Пушкине», и в «Пушкине Архангелогородском» писатель постоянно заостряет читательское внимание на «напевности», присущей пушкинскому творчеству:

> «У Пушкина показана солева-то строка, строчной-то развод. В исподи головой горько-то слово поется. Начинают выговаривать стоя, открыто лицо-то, а станет преклоняться, проведет по лицу-ту платом. Это пенье Пушкин сам списал»; «У нас папенька любил Пушкина стихи нараспев произнести. Говором читать будешь, дак никакой печали нету. Что за поэзия…» (*Шергин, 2014*: 420, 426).

Позволим себе небольшое отступление, являющееся еще одним доказательством животворящей силы шергинского мифа о Пушкине в более близкое к нашему время. Кантата Леонида Десятникова «Пинежское сказание о дуэли и смерти Пушкина» (1983) принадлежит к числу тех редких сочинений, в которых композиторская техника не столько «озвучивает» литературный первоисточник, сколько вступает с ним в отношения чуткого диалога. Верный поэтике «скупого письма», композитор выстраивает фактуру как чередование пустот и сгущений — подобно тому, как шергинский сказ чередует бытовую деталь и космическое обобщение. Хоровые эпизоды решены в духе старинной русской гетерофонии: с унисонами, расходящимися в побочные голоса, с архаической ладовостью, напоминающей знаменный распев. Это именно та интонационная среда, из которой вырастает шергинское слово и в которую оно возвращается в финале, где «место безугодно» и звуковая материя растворяются в тишине. Композитор понял, что эффект «Пинежского Пушкина» именно в гетерофонии, столкновении различных режимов сакральной молвы, которое разрешается поминальной тишиной. Десятников буквально реализует шергинскую метафору «голосом-то так по слезам ездит» (*Шергин, 2014*: 420), переводя ее в музыкальную ткань: вокальная линия скользит по звукам, не «вживаясь» в них психологически, а скорее свидетельствуя о событии с той дистанции, которую дает народная память.

Слово живого предания способно, по мнению Шергина, преодолеть границы времени и отворить врата Вечности. В одном из дневников писателя имеется следующее утверждение:

> «…времени нет. Условно это счисление времени. Онтологически не время проходит, а проходим мы. <…> Особливо об отшедшем, канувшем в вечность. Там 1000 лет, яко день един. Там, в пучине

вечности, и IX век со светилами его всё одно, что XIX век. Там они живут без календарей, без дат, без численников, без годов. Там Иоанн Златоуст со святым Филаретом Дроздовым беседует, Дамаскин с Тихоном Задонским, Антоний Великий с Серафимом Саровским» (*Шергин, 2009*: 48–49).

Добавим, что в этом ряду собеседников, несомненно, пребывает и Пушкин.

Список литературы

1. Анненкова А. А. Пушкин в «простонародном» сознании // Московский пушкинист: ежегод. сб. / РАН, ИМЛИ им. А. М. Горького, Пушкин. комис. М.: Наследие, 1996. Вып. III. С. 75–109 [Электронный ресурс]. URL: https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp3/mp3-075-.htm (20.07.2026).
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова. М.: Правда, 1989. 608 с. (Сер.: Из истории отеч. филос. мысли.)
3. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Амфора, 2003. 503 с.
4. Галимова Е. Ш. Земля и небо Бориса Шергина. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. 223 с. EDN: VVONEL
5. Кекова С. В., Измайлов Р. Р. «Праведное слово» Бориса Шергина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 2. С. 97–101 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25278245_33145120.pdf (20.07.2026). EDN: TDWARS
6. Кекова С. В., Измайлов Р. Р. Одухотворение повседневности: быт и бытие в дневниках Б. Шергина и мемуарной прозе С. Дурылина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. № 1. С. 73–77 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37354314_47215859.pdf (20.07.2026). DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-73-77. EDN: ZDYKXB
7. Клементьевская М. В. Юность в Архангельске: Шергин, Писахов, Леонов, Туфанов // Звезда. 2018. № 8. С. 207–219.
8. Муравьева О. С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине: сб. ст. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Академический проект, 1995. С. 113–133 [Электронный ресурс]. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=V8pi3T-8g5QM%3d&tabid=10358 (20.07.2026). EDN: XNRDRR
9. Непомнящий В. С. Пушкин. Размышления в лицейский день // Золотой лев. 2009. № 181–182.
10. Петров И. В. Человек и мир в прозе Бориса Шергина // Лингвокультурология. 2022. № 16. С. 147–152 [Электронный ресурс]. URL: https://

www.elibrary.ru/download/elibrary_50243852_12516915.pdf (20.07.2026). EDN: CUAMMT
11. Пранцева Г. В. Фольклорная биография А. С. Пушкина в сказах Б. В. Шергина // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст: [сб. ст.]. Арзамас: АГПИ, 2003. Вып. 5. С. 95–104.
12. Пукита А. П. Морские профессионализмы в творчестве Бориса Шергина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 4 (109). С. 81–94 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49345277_30898415.pdf (20.07.2026). DOI: 10.23859/1994-0637-2022-4-109-8. EDN: CQUUWM
13. Скепнер Л. С. А. С. Пушкин в сознании поморов (конец XIX — начало XX века) // Порталус: всероссийская научная библиотека. 2007. 20 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1195563485&archive=1195597215&start_from=&ucat=& (20.07.2026).
14. Степачев Н. А. Повествовательные стратегии в прозе Бориса Шергина // Поволжский педагогический вестник. 2024. Т. 12. № 1 (42). С. 68–74 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_82748247_85327432.pdf (20.07.2026). EDN: QIJZKO
15. Федорова Ю. Ю. Христианско-антропологические идеи в творчестве писателя Бориса Шергина (1893–1973) // Сретенское слово. 2024. № 2 (10). С. 81–107 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_70895403_83343026.pdf (20.07.2026). DOI: 10.54700/djt2vb53. EDN: KHGSEE
16. Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. / сост. Шульман Ю. М. М.: Москвоведение, 2015. Т. 4: Ранние статьи, неопубликованное. 1914–1973. 496 с.
17. Шульман Ю. М. Запечатленная душа: очерк жизни и творчества Бориса Шергина. М.: Фонд Бориса Шергина, 2003. 287 с. EDN: QQZLLP

References

1. Annenkova A. A. Pushkin in the "Popular" Consciousness. In: *Moskovskiy pushkinist*: *ezhegodnyy sbornik* [*Moscow Pushkinist*: *Annual Collection*]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, issue 3, pp. 75–109. Available at: https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp3/mp3-075-.htm (accessed on July 20, 2026). (In Russ.)
2. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [*The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity*]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 p. (Ser.: From the History of Russian Philosophical Thought.) (In Russ.)
3. Virolaynen M. N. *Rech' i molchanie*: *syuzhety i mify russkoy slovesnosti* [*Speech and Silence*: *Plots and Myths of Russian Literature*]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2003. 503 p. (In Russ.)
4. Galimova E. Sh. *Zemlya i nebo Borisa Shergina* [*The Earth and Sky of Boris Shergin*]. Arkhangelsk, Pomor State University Publ., 2008. 223 p. EDN: VVONEL (In Russ.)

5. Kekova S. V., Izmaylov R. R. "Righteous Word" of Boris Shergin. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.*: *Filologiya. Zhurnalistika* [*Izvestiya of Saratov University. New Series. Ser.*: *Philology. Journalism*], 2014, vol. 14, no. 2, pp. 97–101. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25278245_33145120.pdf (accessed on July 20, 2026). EDN: TDWARS (In Russ.)
6. Kekova S. V., Izmaylov R. R. The Spiritualization of Everyday Life: Way of Life and Existence in the Diaries of B. Shergin and Memoir Prose of S. Durylin. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.*: *Filologiya. Zhurnalistika* [*Izvestiya of Saratov University. New Series. Ser.*: *Philology. Journalism*], 2019, vol. 19, no. 1, pp. 73–77. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_37354314_47215859.pdf (accessed on July 20, 2026). DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-73-77. EDN: ZDYKXB (In Russ.)
7. Klement'evskaya M. V. Youth in Arkhangelsk: Shergin, Pisakhov, Leonov, Tufanov. In: *Zvezda*, 2018, no. 8, pp. 207–219. (In Russ.)
8. Murav'yova O. S. The Image of Pushkin: Historical Metamorphoses. In: *Legendy i mify o Pushkine*: *sbornik statey* [*Legends and Myths About Pushkin*: *Collection of Articles*]. St. Petersburg, Akademicheskiy proekt Publ., 1995, pp. 113–133. Available at: http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=V8pi3T8g5QM%3d&tabid=10358 (accessed on July 20, 2026). EDN: XNRDRR (In Russ.)
9. Nepomnyashchiy V. S. Pushkin. Reflections on a Lyceum Day. In: *Zolotoy lev* [*The Golden Lion*], 2009, no. 181–182. (In Russ.)
10. Petrov I. V. Man and the World in Boris Shergin's Prose. In: *Lingvokul'turologiya* [*Linguoculturology*], 2022, no. 16, pp. 147–152. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50243852_12516915.pdf (accessed on July 20, 2026). EDN: CUAMMT (In Russ.)
11. Prantseva G. V. The Folkloric Biography of A. S. Pushkin in the Tales of B. V. Shergin. In: *Pushkin na poroge XXI veka*: *provintsial'nyy kontekst*: *sbornik statey* [*Pushkin on the Threshold of the 21st Century*: *Provincial Context*: *Collection of Articles*]. Arzamas, The Arzamas Humanitarian and Pedagogical Institute Named After A. P. Gaidar Publ., 2003, issue 5, pp. 95–104. (In Russ.)
12. Pukita A. P. Marine Professionalisms in Boris Shergin's Works. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Cherepovets State University Bulletin*], 2022, no. 4 (109), pp. 81–94. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49345277_30898415.pdf (accessed on July 20, 2026). DOI: 10.23859/1994-0637-2022-4-109-8. EDN: CQUUWM (In Russ.)
13. Skepner L. S. A. S. Pushkin in the Consciousness of the Pomors (Late 19th — Early 20th Centuries). In: *Portalus. Vserossiyskaya nauchnaya biblioteka* [*Portalus. All-Russian Scientific Library*], 2007, November 20. Available at: https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1195563485&archive=1195597215&start_from=&ucat=& (accessed on July 20, 2026). (In Russ.)
14. Stepachev N. A. Narratory Strategies in the Prose of Boris Shergin. In: *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik* [*Volga Region Pedagogical Bulletin*], 2024, vol. 12, no. 1 (42), pp. 68–74. Available at: https://www.elibrary.ru/

download/elibrary_82748247_85327432.pdf (accessed on July 20, 2026). EDN: QIJZKO (In Russ.)
15. Fedorova Yu. Yu. Christian Anthropological Ideas in the Works of the Writer Boris Shergin (1893–1973). In: *Sretenskoe slovo* [*Sretensky Word*], 2024, no. 2 (10), pp. 81–107. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_70895403_83343026.pdf (accessed on July 20, 2026). DOI: 10.55398/27826066_2024_2_10_81. EDN: KHGSEE (In Russ.)
16. Shergin B. V. *Sobranie sochineniy*: *v 4 tomakh* [*The Collected Works*: *in 4 Vols*]. Moscow, Moskvovedenie Publ., 2015, vol. 4. 496 p. (In Russ.)
17. Shul'man Yu. M. *Zapechatlennaya dusha*: *ocherk zhizni i tvorchestva Borisa Shergina* [*The Imprinted Soul*: *An Essay on the Life and Works of Boris Shergin*]. Moscow, Boris Shergin Foundation Publ., 2003. 287 p. EDN: QQZLLP (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (ул. Университетская, 1, г. Ижевск, Российская Федерация, 426034); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0485-7664; e-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

Марков Александр Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл., 6, г. Москва, Российская Федерация, 125047); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6874-1073; e-mail: markovius@gmail.com.

T atyana V. Zvereva, PhD (Philology), Professor of the Department of History of Russian Literature and Theory of Literature, Udmurt State University (ul. Universitetskaya 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0485-7664; e-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

Alexander V. Markov, PhD (Philology), Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities (Miusskaya pl. 6, Moscow, 125047, Russian Federation,); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6874-1073; e-mail: markovius@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 30.08.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.10.2026
Принята к публикации / Accepted 15.10.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026